

СКОРЕЕ СЧАСТЛИВ, ЧЕМ НЕТ

18+

АДАМ СИЛЬВЕРА

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ «В КОНЦЕ ОНИ ОБА УМРУТ» И «ЧТО, ЕСЛИ ЭТО МЫ»

**MORE
HAPPY
THAN NOT**

ADAM SILVERA

**SOHO
TEEN**

СКОРЕЕ СЧАСТЛИВ, ЧЕМ НЕТ

АДАМ СИЛЬВЕРА

Перевела с английского Екатерина Морозова

POPCORN BOOKS

Москва

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ЭНДЖИ ТОМАС, АВТОРА РОМАНА

«ВСЯ ВАША НЕНАВИСТЬ»

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СЧАСТЬЕ

1 УДАР ПАМЯТИ ПОД ДЫХ

2 СВИДАНИЕ ПО ОЧЕРЕДИ

3 БУДЬ МУЖИКОМ

4 «ДИКАЯ ОХОТА» В ДЕНЬ СЕМЬИ

5 БЕЗГЛАЗЫЙ СМАЙЛИК

6 С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ЖЕНЕВЬЕВ

7 ПОМНИШЬ, Я ОСТАЛСЯ ОДИН?

8 НИЧЕГО ГЕЙСКОГО

9 ТУПИК — ЕЩЕ НЕ КОНЕЦ

10 НЕЗАБЫВАЕМЫЙ МИТИНГ

11 ПРОГУЛКИ ПО ОЧЕРЕДИ

12 ДРАКИ И САЛЮТЫ

13 БЕССЕРДЕЧНЫЙ

14 МЫСЛИ В ЧЕТЫРЕ УТРА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ СЧАСТЬЕ, НО ДРУГОЕ

1 С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ ЕГО

2 ВОЙНА ВНУТРИ

3 С ОДНОЙ СТОРОНЫ

4 А ПОМНИШЬ?

5 И СНОВА ДРАКА

6 С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

7 МЫСЛИ ПОЗДНО НОЧЬЮ (РАНО УТРОМ)

8 ПАМЯТЬ И УДАР ПОД ДЫХ
ЧАСТЬ НУЛЕВАЯ НЕСЧАСТЬЕ
ВСЕ ПРОЙДЕТ БЕЗ СЛЕДА
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ЕЩЕ МЕНЬШЕ СЧАСТЬЯ
1 С ЧИСТОГО ЛИСТА
2 ВСЯКАЯ ЖЕСТЬ
3 ТУПИК
4 ПСИХУЮ У ПСИХОЛОГА
5 ПОВЕРНУТЬ ВРЕМЯ ВСПЯТЬ
6 ЕЩЕ РАЗ
7 РАЗГОВОРЫ ПО ДУШАМ И ДУШЕВНАЯ БОЛЬ
8 НЕРЕАЛЬНО ЛЕГКО ЗАБЫТЬ
9 КАЙЛ ЛЕЙК, ЕДИНСТВЕННЫЙ РЕБЕНОК
10 ЛЕТЕО, ДУБЛЬ ДВА
11 МОЙ УНЫЛЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
12 ЗАВТРА БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ
13 ЕСТЬ ТОЛЬКО ВЧЕРА
14 ВРОДЕ КАК ЛУЧШИЙ ДРУГ
15 ПАРЕНЬ, КОТОРЫЙ НИКАК НЕ СТАНЕТ
МУЖЧИНОЙ
16 ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ НИКОГДА НЕ
ДОРИСОВЫВАЕТ
17 ПАРЕНЬ С КРЫШИ
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ СКОРЕЕ СЧАСТЛИВ, ЧЕМ НЕТ
ДЕНЬ, КОГДА МЫ НАЧАЛИ С ЧИСТОГО ЛИСТА
ДЕНЬ, КОГДА Я ВЗГЛЯНУЛ В БУДУЩЕЕ
ДЕНЬ, КОГДА Я СМИРИЛСЯ
ДЕНЬ, КОГДА Я ЗАБЫЛ

А ПОМНИШЬ...
НЕ ЗАКРЫВАЙТЕ КНИГУ! СКОРО ДЛЯ ААРОНА
НАСТУПИТ ЕГО «ДОЛГО И СЧАСТЛИВО»
ДОЛГО И СЧАСТЛИВО
ПОСЛЕСЛОВИЕ
БЛАГОДАРНОСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ ЭНДЖИ ТОМАС, АВТОРА РОМАНА «ВСЯ ВАША НЕНАВИСТЬ»

Книга «Скорее счастлив, чем нет» определенно что-то во мне изменила.

История Аарона Сото захватила меня с первой фразы. Я живо помню, как наткнулась на нее в книжном, открыла первую страницу (я всегда начинаю не с аннотации, а с первых строчек книги)... Прочла строку, страницу, две, три... Книга меня не отпускала. И что самое потрясающее — еще на первых страницах я вдруг поняла: да я их знаю!

Они же все с нашего двора: Аарон, Женеvьев, Брендан, Малявка Фредди, даже А-Я-Псих! А ведь я росла не в Бронксе, а далеко-далеко, в штате Миссисипи, где нет метро и города не расчерчены на квадраты. И все равно я знаю этих героев! Читая о них, я как будто видела свою собственную жизнь, но под совершенно новым и необычным углом. Ничего подобного в книгах жанра young adult я раньше не встречала.

Адам Сильвера создал мир, похожий на тот, в котором рос, и, сам того не зная, вдохновил меня пойти по его стопам. Написать книгу о подростках всех

цветов кожи, которые способны стать главными, а не второстепенными героями. Аарон живой, неоднозначный и не обязан подчиняться стереотипам.

Честно скажу, иногда роман давал мне под дых. Он слишком мощный. Не буду рассказывать, чем все кончится, но я проревела над финалом несколько дней. История Аарона никак не шла у меня из головы, хотелось знать, как он поживает, будто он настоящий (если честно, при первом разговоре с Адамом я об этом и спросила). Но дущераздирающий финал напомнил мне кое о чем важном: если все кончается не слишком радужно, это нормально. Вернее, ничего страшного, если иногда ты скорее несчастлив. Если «долго и счастливо» все никак не наступает, ничего страшного. Об этом особенно важно помнить молодежи. Для них же все еще только начинается. Роман «Скорее счастлив, чем нет» как раз об этом, и именно после его прочтения я решила отразить похожую мысль и в своих книгах.

Надеюсь, вы тоже будете потрясены книгой и она даст вам под дых. Читайте — и помните, что испытывать трудности нормально. И никогда об этом не забывайте.

Спасибо тебе, Адам.

Спасибо, «Скорее счастлив, чем нет».

С любовью, Энджи Томас, автор романа «Вся ваша ненависть»

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Я рос в убеждении, что быть геем или не быть — личный выбор каждого. Так было гораздо легче, чем думать, что я родился каким-то неправильным. Если я подсознательно сам выбрал испытывать влечение к парням, значит, могу переключиться на девушек и стать «нормальным», пока друзья не поняли, что я другой, и не решили наставить меня на путь истинный кулаками.

На самом деле, конечно, никакой это не выбор. Так многие думают, но с возрастом я все меньше понимал: зачем я обрек себя на осуждение, зачем сам усложнил себе жизнь? Почему люди добровольно выбирают этот путь, если быть «нормальным» гораздо проще?

Задаваясь этими вопросами, я и задумал «Скорее счастлив, чем нет» — с помощью фантастического допущения раскрыл героя, шестнадцатилетнего Аарона Сото, который устал быть геем и решил с помощью технологии управления воспоминаниями изменить свою жизнь и найти свое «долго и счастливо».

Надеюсь, история Аарона будет близка вам, вне зависимости от того, гей вы или нет. Потому что эта книга прежде всего о поиске счастья, а счастья хочет каждый. Если вы тоже пережили то, что хотели бы забыть, вы поймете Аарона. И помните: пусть мы не

всегда можем воплотить свое «долго и счастливо», при любом раскладе можно научиться быть скорее счастливым, чем нет.

Желаю [скорее] приятного чтения!

A handwritten signature in black ink. The word "Aden" is written in a cursive style. The letter 'A' is tall and thin. The 'd' is connected to the 'e'. The 'n' is also connected. A large, sweeping flourish extends from the end of the signature, looping back towards the right and then down.

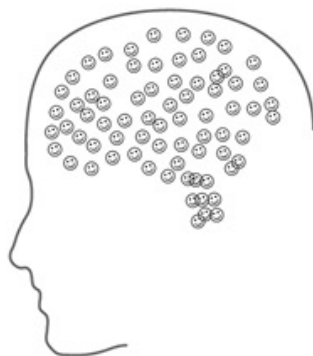
Если вы (или кто-то из ваших близких) столкнулись
с психологическими трудностями:
Горячая линия Центра экстренной психологической
помощи
МЧС России — 8 (495)-626-37-07
(круглосуточно, анонимно, бесплатно).

*Посвящается тем, кто понял, что испытывать счастье
бывает непросто.*

*И, конечно, Луису и Кори, моим любимчикам, которые
вовремя давали мне под дых (в хорошем смысле)*

ИНСТИТУТ
ЛЕТЕО

ВСЕ ПРОЙДЕТ
БЕЗ СЛЕДА

Вас терзают мучительные воспоминания? Узнайте больше о нашей революционной процедуре выборочной очистки памяти — позвоните в институт Летео: 1-800-Я-ЗАБУДУ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЧАСТЬЕ

УДАР ПАМЯТИ ПОД ДЫХ

Оказывается, операция Летео — не бред сивой кобылы.

Впервые увидев в метро плакат института, где помогают о чем-то забыть, я решил, что это реклама фантастического фильма. Потом был заголовок на первой полосе газеты: «Все пройдет без следа!» — тогда я решил, что нам впаривают что-нибудь нудное — например, таблетки от очередного вида гриппа, а никак не лекарство от воспоминаний. Был выходной, шел дождь, так что мы с друзьями тусовались в прачечной и смотрели старенький телевизор у поста охраны. На всех каналах без исключения шли интервью сотрудников института Летео — вдруг кому-то удастся разузнать о «революционной технологии изменения и подавления памяти» больше других.

После каждой фразы я орал, что это полный бред.

А теперь выясняется, что это совсем не бред, а стопроцентно реальная операция. Ее сделали одному из наших.

По крайней мере, так говорит Брендан, мой вроде как лучший друг. А его феноменальная честность — примерно такая же притча во языцах, как страсть мамы Малявки Фредди проверять каждую сплетню (по слухам,

сейчас она начала учить французский, потому что у ее соседки по лестничной клетке, возможно, интрижка с женатым начальником и языковой барьер немного мешает подслушивать; но это тоже сплетня, а я не она, чтобы проверять).

— Говоришь, Летео не гонят?

Я сажусь на бортик песочницы, в которой никто не играет: все боятся подхватить стригущий лишай.

Брендан бродит взад-вперед, чеканя баскетбольный мяч нашего приятеля Деона.

— Думаешь, чего Кайл с семьей свалили? — спрашивает он. — Хотят начать с чистого листа.

Можно даже не спрашивать, о чем Кайл решил забыть. В декабре застрелили его брата-близнеца Кеннета — похожего на него как две капли воды — за то, что он переспал с младшей сестрой парня по имени Джордан. А спал с ней на самом деле Кайл. Я неплохо знаком с болью утраты, но не представляю, как можно жить, каждую секунду помня, что твой брат — с которым у тебя было одно лицо и один тайный язык — погиб от пуль, которые предназначались тебе.

— Ну чего, удачи ему.

— Ага, — соглашается Брендан.

На улице — все знакомые лица: из ближайшего супермаркета, «Лавочки вкусной еды», где я уже пару месяцев подрабатываю, выходят Дэйв Тощий и Дэйв Толстый — не родственники, просто оба Дэйвы, — на ходу заглатывая чипсы и заливая в глотки коробочки

сока. Мимо на новеньком оранжевом велике со стальной рамой скользит Малявка Фредди. Когда-то мы дразнили его за то, что он никак не пересядет с четырехколесного велика на нормальный. Я вот зря смеялся: меня отец кататься вообще так и не научил. А-Я-Псих сидит на земле, увлеченно беседуя со стенкой, а все остальные, в основном — взрослые, готовятся к ежегодному мероприятию, которое пройдет в нашем квартале на выходных.

Это День семьи.

Первый День семьи без Кеннета с Кайлом, без родителей Брендана и без моего папы. Конечно, мы с ним вряд ли стали бы бегать наперегонки, по очереди изображая тачку, или играть в баскетбол за одну команду, и вообще он всегда в этот день веселился с моим братом Эриком. Но мне хватило бы даже просто его увидеть. Думаю, Брендану не легче моего, хотя оба его родителя живы. Может, ему и еще похуже: они вроде и недалеко, но к ним не попасть. Его родители сидят в тюрьме, по разным камерам. Мать осуждена за вооруженный разбой, отец попался на торговле метом и оказал сопротивление полицейскому. Теперь Брендан живет с дедушкой. Тому семьдесят восемь, и он уже одной ногой в могиле.

— Все будут спрашивать, чего мы не улыбаемся, — говорю я.

— Пусть в жопу себе свои улыбки засунут, — отвечает Брендан и пихает руки в карманы. Там

наверняка травка. Брендан подался в дилеры — типа рано повзрослел. По-моему, глупо: его отца восемь месяцев назад упекли примерно за то же самое.

Брендан смотрит на часы и долго пытается разгадать, что показывают стрелки. — Меня кое-кто ждет. — И уходит, даже не дожидаясь, пока я отвечу.

Он вообще парень немногословный, поэтому я и называю его «вроде как лучшим» другом.

Настоящие друзья готовы сказать сколько угодно слов, лишь бы как-то утешить тебя, если ты хочешь покончить с собой. А я вот недавно захотел. И Брендан просто стал проводить со мной меньше времени: типа его чувство солидарности обязывает больше тусоваться с другими чернокожими ребятами. Я по-прежнему думаю, что это тупая отмазка.

Я скучаю по временам, когда мы наслаждались летними вечерами на полную катушку: гуляли до поздней ночи, лежали на черном покрытии детской площадки и болтали о девчонках и будущем, таком огромном для таких маленьких нас, — и верили, что все будет нормально, если все мы останемся здесь и никуда друг от друга не денемся. Теперь мы приходим сюда не ради дружбы, а по привычке.

Я делаю вид, что это нормально. Мне вообще часто приходится делать вид, что все нормально.

Домом мне служит двухкомнатная квартирка, где мы ютимся вчетвером. То есть втроем. Втроем, конечно.

Я сплю в гостиной вместе с Эриком. Он вот-вот должен вернуться со смены в магазине подержанных видеоигр на Третьей авеню. Придя домой, он сразу врубит одну из двух своих консолей и будет играть и болтать с сокомандниками через микрофон, пока часа в четыре утра все не отвалится поспать. Мама небось опять будет уговаривать его подать документы в какой-нибудь колледж. Я не собираюсь слушать, как они ругаются.

На моей половине комнаты громоздятся стопки непрочитанных комиксов. Я накупил их по дешевке — от семидесяти пяти центов до двух долларов — в моем любимом магазинчике и от корки до корки читать не планировал. Мне просто нравится хвастаться своей большой коллекцией, если заходит кто-то из друзей побогаче. В прошлом году вся школа подседа на «Темные стороны», и я тоже подписался, но пока только пролистал пару выпусков, поглядел на рисовку.

Если книга действительно меня цепляет, я рисую на полях свои любимые моменты: в «Мировой войне Z» — выигранную зомби битву при Йонкерсе, в «Легенде о Сонной Лощине» — появление Всадника без головы, ведь он единственная изюминка этого посредственного ужастика. А когда читал «Скорпиуса Готорна и Узника Аббадона» — это была третья книга моего любимого фэнтези-цикла про юного мага-демона, — я нарисовал, как Рассекающие чары Скорпиуса раздирают ужасного Аббадона пополам.

Но в последнее время у меня с рисованием туговато.

Душ всегда нагревается по несколько минут, так что я включаю его и иду проведать маму. Стучу в дверь спальни — нет ответа. Но телевизор включен. Знаете, если у тебя остался в живых только один родитель и он не отвечает на стук, сложно не вспоминать, как твоего отца нашли мертвым в ванне, и не думать, что за дверью маминой спальни тебя поджидает сиротская доля. Так что я захожу.

У мамы как раз заканчивается второй за день тихий час под серию «Закона и порядка».

— Как ты, мам?

— Нормально, сынок.

Теперь она почти перестала называть меня «Аарон» или «маленький мой». Конечно, второй вариант никогда мне особо не нравился — особенно если она говорила так при моих друзьях, — но по крайней мере это выдавало, что у нее еще сохранились какие-то чувства. Теперь от нее осталась лишь оболочка.

На ее кровати лежит недоеденный кусок пиццы, которой я принес ей из пиццерии, пустой стаканчик от кофе, который я купил в другой забегаловке, и пара брошюрок Летео — их мама набрала сама. Она с самого начала верила, что их операция — не надувательство, но это ничего не значит: в сантерию она тоже верит. Мама надевает очки — они выгодно скрывают впадины, появляющиеся у нее вокруг глаз от бесконечной работы. Пять дней в неделю мама — соцработник

в Вашингтонской больнице, а еще четыре вечера — мясник в супермаркете. Только благодаря этому у нас все еще есть пусть крошечная, но крыша над головой.

— Пицца невкусная? Еще чего-нибудь принести?

Мама не отвечает. Слезает с кровати, оттягивая пальцем ворот старой рубашки, доставшейся ей от сестры: «нищенская диета» как раз построила маму настолько, чтобы в нее влезть, — и обнимает меня так крепко, как не обнимала с самой папиной смерти:

— Почему только мы ничем не смогли помочь...

Я обнимаю маму в ответ. Не знаю, что говорить, когда она плачет о том, что сделал папа и пытался сделать я. Вместо этого я смотрю на брошюры Летео. На самом деле кое-чем мы могли бы ему помочь, просто нам это никак не по карману.

— Пойду в душ, наверно. А то вода остынет. Извини.

Мама отстраняется:

— Все в порядке, сынок.

Я делаю вид, что поверил, бегу в ванную, к запотевшему от пара зеркалу, быстро раздеваюсь. Но замираю перед ванной. Ее долго драили хлоркой, и следов не осталось, но все же именно здесь он наложил на себя руки. Память о нем бьет нас с братом под дых на каждом углу: отметками на стене, где он мерял наш рост; двуспальной кроватью, где мы с ним в шутку боролись под новости; плитой, на которой жарил пирожки эмпанада к нашим дням рождения. Нам немножко не по средствам просто переехать в другую

квартиру, попросторнее, и избавиться от этих напоминаний. Мы торчим тут, вытрясаем из обуви мышиный помет и заглядываем в стаканы с колой перед каждым глотком: вдруг там, улучив момент, утопился таракан?

Горячая вода у нас в ванной очень быстро становится холодной; я поскорее запрыгиваю в душ. Прислоняюсь лбом к стенке, чувствуя, как вода пропитывает волосы и стекает на спину, и представляю, от скольких воспоминаний мог бы избавиться в Летео. Все они — о том, каково жить в мире, где нет отца. Я поворачиваю руку ладонью вверх и пялюсь на шрам на запястье. Неужели я — тот парень, который когда-то вырезал на руке смайлик? Неужели я думал, что, не найдя счастья в жизни, найду его в смерти? Что бы ни подтолкнуло отца убить себя: тяжелое детство младшего из девяти братьев, работа в нашем паршивом почтовом отделении или любая другая из миллиона причин, — мне придется стиснуть зубы и жить дальше, потому что я не один. Потому что не все выбирают самый простой путь, потому что кто-то любит меня так сильно, что живет дальше, даже когда жизнь — дерьмо.

Я вожу пальцами по шраму-улыбке: слева направо, потом справа налево. Как хорошо иметь под рукой напоминание никогда больше так не тупить.

СВИДАНИЕ ПО ОЧЕРЕДИ

*(нет, не в том смысле, что партнеры
выстраиваются в очередь!)*

В апреле мы с Женевьев гуляли в Форт-Уилли-парке, и она предложила мне встречаться. Все мои друзья сказали, что мы конкретно выпали из наших гендерных ролей, но иногда мои друзья те еще ограниченные придурки. Мне важно этого не забывать — в смысле про Женевьев, а не про друзей, — ведь это значит, что она нашла во мне что-то особенное. Что она хочет стать частью моей жизни, а не смотреть, как я выкидываю эту самую жизнь на помойку.

Два месяца назад я попытался кое-что с собой сделать, и это было не просто эгоистично, но еще и стыдно. Если выживешь, тебя начинают воспринимать как ребенка, которого надо брать за руку, переходя дорогу. Хуже того, все подозревают, что ты либо хотел привлечь внимание, либо слишком тупой, чтобы сдохнуть с первого раза.

Я прохожу десять кварталов к центру — здесь живут Женевьев с отцом. Ее отец почти не уделяет ей внимания, но по крайней мере он на этом свете, а не на том. Я звоню в домофон. Надо было все-таки учиться кататься на велике. Подмышки воняют, спина промокла — зачем я вообще только что принимал душ?

— Аарон! — кричит сверху, из окна своей спальни, Женевьев. Ее лицо сияет под солнцем. — Сейчас спущусь, только руки отмою. — Она вытягивает вперед ладони, вымазанные желтой и черной краской, подмигивает и исчезает из виду.

Может, она рисовала мультяшный смайлик?.. Хотя из ее-то живого воображения скорее уж родилось какое-нибудь магическое существо: скажем, желтопузый гиппогриф с черными жемчужинами глаз, заплутавший в лесу отражений, и золотая путеводная звезда — его единственная надежда. Или что-то типа того.

Через пару минут Женевьев спускается, так и не переодев старую белую футболку, в которой обычно рисует. Она обнимает меня с улыбкой, но это не ее привычная полуулыбка. Хуже всего — видеть ее грусть и бессилие. Ее тело напряжено; когда она наконец расслабляется, с ее плеча соскальзывает бледно-зеленая сумка — мой подарок на ее прошлый день рождения. Она постоянно рисует на ней что-то новое: то крошечные города, то иллюстрации к какой-нибудь ее любимой песне.

— Привет, — говорю я.

— Привет, — отвечает она и встает на цыпочки меня поцеловать. В ее зеленых глазах стоят слезы. Вода на зелени — как джунгли, которые она бросила рисовать несколько месяцев назад.

— Что случилось? У меня воняют подмышки?

— Жесть как воняют, но дело не в этом. Рисовать — просто ад какой-то. Ты так вовремя пришел! — И больно пихает меня в плечо; это она так флиртует.

— Что рисуешь?

— Как зебровая лирохвостая рыба-ангел выходит на берег морской.

— Ого. Я думал, чего попривольнее. Магия там всякая, гиппогрифы...

— Не люблю я быть предсказуемой, придурок ты тупой. — Она называет меня тупым придурком с первых дней наших отношений — точнее, с нашего первого поцелуя. Уверен, это она все никак не может забыть, что я тогда аж два раза стукнулся с ней лбами, такой вот я неопытный и неловкий. — Как насчет сходить в кино?

— Может, лучше устроим свидание по очереди?

Свидание по очереди — это не когда несколько человек выстраиваются в очередь, чтобы пойти с тобой на свидание. Женевьев придумала, что я веду ее на свидание туда, где ей понравится, а она меня — туда, где понравится мне. Естественно, мы называем это «свиданием по очереди» потому, что по очереди устраиваем друг другу свидание мечты, а не потому, что нам приходится стоять в очереди, пока другой встречается с кем-то еще.

— Ну, наверно, можно и устроить.

Мы скидываемся на «камень, ножницы, бумага»: проигравший устраивает свидание первым. Мои

ножницы на лету рассекают выкинутую Женевьев бумагу. Конечно, я мог бы вызваться первым сам, потому что уже решил, куда ее поведу. Но я пока не на сто процентов продумал свою речь, и немного форы, чтобы точно нигде не накосячить, не помешает.

Женевьев ведет меня в мой любимый магазин комиксов на Сто сорок четвертой улице.

— Недолго же ты пробыла непредсказуемой... — замечаю я.

ДОМ СУМАСШЕДШИХ КОМИКСОВ:

У нас бывают эпизоды

Входная дверь стилизована под старинную телефонную будку — в такую ныряет Кларк Кент, когда ему приспичит переодеться в Супермена. Я, конечно, никогда не понимал, почему он хранит трогательную верность одной-единственной будке перед зданием «Ежедневной планеты», но сейчас я и сам рад этой будке. Несколько месяцев сюда не ходил и сейчас чувствую себя почти суперменом.

«Дом сумасшедших комиксов» — рай для гика. Кассир в футболке с Капитаном Америка переставляет семидолларовые ручки в виде молота Тора. На полке, стилизованной под камин в Уэйн-Мэноре, высятся гордые (и дорогущие!) бюсты Росомахи, Халка и Тони Старка. Не понимаю, как у какого-нибудь сорокалетнего девственника еще не случился удар от такого